

Рампа

Молодцев Евгений - Таллинн - 1992 - 119 страниц

ЖИТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ

Встречи наших читателей с художественным руководителем Государственного Русского драматического театра Эстонской Республики Григорием Михайловым становятся уже традиционными. И случаются в конце каждого сезона. Выражаясь спортивным языком, они проходят при любой театральной погоде: Михайлов не пытался уклониться от диалога год назад, когда Русский театр находился под прицельным огнем разного рода критики, согласился на встречу с нашими читателями и сейчас, в ситуации, несколько изменившейся. На смену театру политическому, какому и в жизни с лихвой достает, на смену театру, указующему обществу на его болячки, приходит другой - врачующий и желающий хоть как-то боль снять. А стоит за этим прямое обращение к конкретному человеку и только ему при надлежащей жизни.

- Вторжение театра в святая святых, в частную, чтобы не сказать, личную жизнь - нет ли в этом нарушения каких-то норм и правил?

- Давайте не путать подглядывание в замочную скважину с тем, что является важным для каждого из нас. Я вообще думаю, что театр, кроме всяческих других своих задач, воспитательских, просветительских, это еще и какое-то психотерапевтическое средство. Знаете, чего от него всегда надо ждать? Гармонии и равновесия. Когда общество сильно доволно собой, сыто и потому мертвенно безразлично, для его же пользы необходимы острые, пронзительные, шоковые, даже театральные всплески. Очнитесь, мол, люди, так все и проспать недолго. Сигнал такой, тревожно мигающая лампочка. Таганковские спектакли 60-70-х годов - лучший тому пример.

Мы живем в несколько иные времена, по сути переломные, неизвестно, что будет завтра, все неустойчиво, много боли, каждый переносит ее по-разному, отсюда взвинченность, нервничность чрезмерная, потому что некоторые группы людей сейчас действительно доведены до края. И если при этом еще и театр начнет подливать масла в огонь... Сейчас лучше побольше о добrote, просто о жизни. Поэтому, обращаясь к "Вкусу меда", "Красивой жизни", "Мышьяку"... мы как раз на контрасте искали равновесия с временем и в чем-то, кажется, даже преуспели, во всяком случае, разговор просто о жизни нашему зрителю, по-моему, пришелся по душе.

- А с вами можно просто о жизни?

- А почему же нет?

- Ну, например, как вам живется материально?

- Театру?

- Нет, лично вам.

- Как всем, то есть очень

странно. Я вообще ничего не понимаю. На еду хватает, и то ладно. И не в том дело, что денег мало, это отдельная статья. Я никак не могу привыкнуть, что ситуация сильно изменилась, вроде тысячи получаешь, а толку никакого. Вот надо в отпуск ехать, и просто не представляю, как это будет.

- А как вы вообще относитесь к нынешней жизни? Какою она вам представляется?

- Да знаете, какой-то сумбурной очень. И главное, не очень видно, как из этого выходит. Но об этом, слава Богу, уже хоть можно говорить открыто, не переходя, разумеется, на хамство, не провоцируя, не пользуясь запрещенными приемами. А спокойный диалог - он всегда на пользу. Но опять же тон диалога зависит от уровня культуры.

- Вам, художественному руководителю Русского театра в Эстонии, приходилось ощущать

холодность властей, небрежение к проблемам театра?

- Никогда не ощущал. У меня организм такой, я всегда стараюсь общаться с людьми искренне и открыто, а возможно, какой-то защитный механизм срабатывал, если что. Сейчас министром культуры стал Мярт Кубо, профессионал, человек, работавший в театре, знающий театр, что очень радует. Я чувствую внимание к нам и нашим проблемам. А то, что театру нелегко, - так разве трудно нам (одним, всем несладко. Впрочем, именно в такие времена и идет проверка на прочность. И то, что в завершившемся только что сезоне мы получили по сравнению с сезоном прошлым прибавку в зрителях, настраивает на мысль: затеяв разговор просто о жизни, мы не ошиблись.

- Театральные люди всегда отличались "охотой к перемене мест",

вчера один театр, завтра - другой. В этом не было ничего удивительного, такая уж кочевая профессия. Нынешняя ситуация в республике и неустойчивость, о которой вы говорили, не тянет ли вас начать собирать чемодан?

- Я, понимаете ли, всегда считал себя ответственным за дело, которое принял, и не могу вот так линять, почувствовав запах гари. Но не без сомнения, конечно, живу, тем более, есть немало предложений. - А не опасаетесь, что в отсутствие официального гражданского статуса автоматически останетесь не у дел?

- Все может быть. Но дело не в том даже, что, как любой театральный человек, я действительно достаточно легко на подъем без работы нигде не останусь. Тылы есть. Разговор другом. Я понимаю людей, всю жизнь проживших в этом театре, отдавших ему и эстонской культуре

стату, тоже десятки лет. Случись что, им ехать куда, в этом непридуманый и отнюдь не театральный драматизм ситуации. Что же до меня, то сейчас, когда дело налаживается и у него, на мой взгляд, есть интересные перспективы, по своей воле уезжать не хотелось бы. Я человек привязчивый, и сейчас, к исходу третьего сезона, мне кажется, я почувствовал театр, его труппу, знаю, что ей свойственно и что - нет.

- То есть, "химический состав" уже определен?

- Да, это точный образ, по-моему. Сейчас говорят еще, группа крови. До этого я работал в театре, где она была несколько иной. Не лучше, не хуже, а другой. Поэтому и работал иначе, что естественно. Здесь же традиции труппы формировались в течение десятилетий, и терять ничего не хочется, лучше развивать накопленное. Наконец, какому режиссеру хочется расставаться со своими спектаклями, которые он любит, с тем же "Котом домашним" или "Красивой жизнью"? Они же не чьи-то - твои.

- В течение многих лет театр упрекали и по сей день упрекают тем, что его, один из центров русской культуры, не посещает эстонский зритель. Одна из причин виделась в минимальном количестве пьес эстонских драматургов на его сцене. Ставьте больше таких пьес, читалось между строк, и положение изменится. Пьесы ставились, положение не менялось, проблема оставалась. Эстонский зритель в Русском театре был редким гостем, русский зритель в эстонском - тоже. Впрочем, есть воспоминания о том, что когда в 60-х годах на сцене Русского шла "Любовь и жизнь", поставленная Вольдемаром Пансо, все было несколько иначе.

- Вы сами ответили на

вопрос, хотя причина того, почему кто куда не ходит, значительно шире. Здесь - другая тема, но это уже - не о театре.

Я глубоко убежден, что дело не в названии пьесы, хотя эстонские ставить надо, тем более есть что ставить. Но важнее иное - кем поставлена и как сыграна. Только что вы назвали имя потрясающего Вольдемара Пансо, и необходимость развивать тему сразу отпала. Сегодня в эстонском театре есть немало замечательных мастеров "звездного калибра", и не на уровне мечты, а на уровне планов скажу, что у нас есть предварительные взаимные, подчеркиваю это, взаимные намерения, а там - посмотрим. Главное - не сглазить. Хлынет или не хлынет к нам после этого эстонский зритель - другой вопрос, но ясно одно - под лежачий камень вода не течет.

- И еще одно обстоятельство, которое не может не беспокоить. В последнее время много разговоров о самом здании Русского театра, о его "географии", о том, что такое помещение да в таком месте дорогого стоит, а выгоды вроде никакой.

- Я могу быть субъективным, но мне кажется, что тут мы имеем дело со слухами, которые кем-то усиленно раздуваются. Самым странным мне кажется, что подобные слухи сильно муссируются в среде русских людей: слышали - отбирают, закрывают, прикрывают!

Это не от хорошей жизни, конечно, от того же комплекса неуверенности и нестабильности. Но такие разговоры и испуги вовсе не помогают, потому что как бы превращают в реальность то, чего на самом деле нет. Во всяком случае, на уровне министерства или мэрии я подобного не слышал. Да и представьте себе на секунду, что могло бы случиться, если театру будет грозить

опасность на самом деле. Не знаю, как в Зимбабве, а уж цивилизованная Европа от подобного отвыкла и привыкать снова, думаю, не собирается. Но если действительно разговор об этом дивном помещении (с очень неудобной между прочим, сценой, этого уже как профессионал не могу не отметить) и идет, то выскажу свою личную точку зрения: постройте в центре города - ибо место любого театра всегда в центре - театр, подобный вильяндискому или пярнускому, - почему бы туда и не переехать?

- Мы начали с вами разговор о жизни, давайте этим и закончим. Будь у вас сейчас возможность что-то изменить или улучшить, с чего бы вы начали?

- С настроения людей, с узлов, которые никак не развязываются из-за чего-то взаимного упрямства. Поначалу все это казалось смешным, теперь все больше грусти. Ведь неворуженным же глазами видно, как мучаются люди, как лишаются главного - любви к ближнему своему. Развяжите - и всем легче дышать будет - и русским, и эстонцам. Ведь все уже было, такой путь уже однажды где-то пройден.

- А как бы вы сами развязали узел?

- Боюсь, развязывая, я бы сделал еще хуже. Я дилетант в политике, а такое тонкое дело можно доверить только профессионалам. Да и вообще любым делом должны заниматься только профессионалы. Мне кажется, что их сегодня особенно не хватает, но убежден, что однажды общество обязательно придет к пониманию необходимости профессионализма во всем, и тогда многое станет на свои места.

В. АНДРЕЕВ
Фото Ф. КЛЮЧИКА